Аникин Даниил Александрович

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

В статье рассматриваются примеры использования исторической памяти в качестве средства легитимации революционных процессов на примере предреволюционной России начала XX века. Автор, опираясь на литературный и мемуарный материал, концептуализирует стратегии обращения с прошлым в качестве важного символического ресурса. Особое внимание обращается на динамику образов исторической памяти как механизм символической конкуренции политических элит.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 19-21. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бергсон А.** Творческая эволюция. М.: КАНОН-Пресс; Кучково поле, 1998. 384 с.
2. **Бунюэль Л.** О фотогеничном плане // Из истории французской киномысли: немое кино, 1911-1933. М.: Искусство, 1988. С. 115-119.
3. **Бхагавадгита.** М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 256 с.
4. **Делёз Ж.** Кино. М.: Ad Marginem, 2004. 624 с.
5. **Липавский Л.** Исследование ужаса. М.: Ad Marginem, 2005. 448 с.
6. **Тарковский А. А.** Уроки режиссуры. М., 1992. 92 с.
7. **Эйзенштейн С.** Монтаж 1938 // Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6-ти т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. С. 156-189.

SPECIFICITY OF RECREATING MOVEMENT IN CINEMA

Avdoshin Georgii Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Kazan State Power Engineering University
avdoshinn@rambler.ru

The article examines the nature of movement in cinema. It is most fully reflected by the concept of duration introduced by Henri Bergson. Movement-duration in cinema is the whole, which combines filmed reality; this is a thread, on which film shots are strung. The main task of cinema is to find this thread, to recreate the whole movement fragmented by individual plans, to "weave" time into single fabric of the narrative turning the film into real life full of truth.

Key words and phrases: movement; duration; time; cinema; plan; editing.

УДК 316.33
Философские науки

В статье рассматриваются примеры использования исторической памяти в качестве средства легитимации революционных процессов на примере предреволюционной России начала XX века. Автор, опираясь на литературный и мемуарный материал, концептуализирует стратегии обращения с прошлым в качестве важного символического ресурса. Особое внимание обращается на динамику образов исторической памяти как механизм символической конкуренции политических элит.

Ключевые слова и фразы: историческая память; поколение; молодежь; социальная динамика; легитимация; забвение; риски.

Аникин Даниил Александрович, к. филос. н., доцент
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
dandee@list.ru

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ, проект 15-33-12009 а(ц) «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» и гранта Президента РФ МК-6968.2015.6 «Политика памяти в условиях межцивилизационного противостояния».

Традиционно считается, что понятие «революция» обозначает устремление в будущее – к новой конфигурации социального порядка, потенциальная новизна которого может определяться самой различной терминологией (от «бесклассового общества» до «демократического государства»), но при этом крайне мало внимания уделяется противоположной направленности революционных процессов – не к будущему, а к прошлому. Хотя, как отмечает А. В. Магун, само понятие «революция», изначально относившееся к сфере астрономии, а не социальных наук, указывает на восстановление утраченного порядка, возврат к нему (что отражает возвратный префикс «ре-») [2, с. 37-40].

Революция оказывается процессом, который направлен вспять, она нуждается в подборе положительных и отрицательных образов исторической памяти, первые из которых будут маркировать потребность в исправлении допущенных ошибок, а вторые – выступать мишенями для консолидации недовольного большинства.

В этом смысле важно понимать, что прошлое является «поставщиком» образов, которые могут обосновывать действия политических элит по поддержанию или, наоборот, трансформации социального порядка. Разумеется, в данном случае можно говорить не столько о самом прошлом, сколько о сложившихся в обществе определенных конфигурациях исторической памяти, которые определяют подбор мифологизированных образов и специфику их интерпретации с учетом ценностных приоритетов основных социальных групп, выступающих акторами социального пространства.

Структурными причинами революций, которые разворачиваются незаметно для стороннего наблюдателя на протяжении десятилетий, становятся следующие:

1. Демографические сдвиги, нарушающие привычный порядок распределения ресурсов между населением и элитами, а также внутри конгломерата властвующих элит.
2. Структурные изменения во взаимоотношениях властвующих элит, обусловленные внешнеполитическими конфликтами.
3. Неравновесное экономическое развитие, при котором отдельные социальные группы оказываются устранены от распределения ресурсов и получения материальных или символических благ.
4. Нарушение принципов циркуляции властвующих элит, при котором «социальные лифты» оказываются практически перекрыты, а, следовательно, легитимные способы карьерного роста для наиболее ярких представителей неэлитарных групп сводятся к минимуму.
5. Постепенное сведение властвующей элиты к узкому кругу родственников, что является фактором отторжения от политического порядка тех социальных групп, которые мыслят себя принадлежащими к элитарной прослойке.

Представленные социологические критерии революции дают достаточно широкое объяснение социальной природы этого феномена, но размывают качественное отличие революционных изменений. С точки зрения социально-философского дискурса следует указать еще на три важных свойства революции, которые и определяют тесную взаимосвязь революционных процессов с закономерностями функционирования исторической памяти.

Историческая память выступает важным элементом любого политического дискурса вне зависимости от того, легитимирует ли данный дискурс сложившийся в обществе и поддерживаемый властвующими элитами порядок либо выступает фактором дестабилизации порядка, провоцируя его фрагментацию и окончательный распад. Как отмечает Т. Шерлок, политический дискурс складывается из двух основных компонентов – прагматического и символического, причем прагматический компонент связан с процессом объективной оценки социально-экономических и политических проблем, в то время как символический дискурс «стремится разрабатывать и продвигать те представления об обществе, которые создают, поддерживают или разрушают политическую идентичность» [5, с. 11].

Научный исторический дискурс, ставящий во главу угла принципы объективности и фактологичности, оказывается неудобным с точки зрения консолидации политического сообщества, поскольку включает неоднозначные исторические события и действия исторических деятелей. Поэтому история повергается мифологизации, под которой подразумевается не придумывание ложных фактов, а совокупность определенных историографических операций, итогом которых становится формирования упрощенного, но вместе с тем и непротиворечивого образа прошлого, определяющего контуры современного социального и политического порядка.

Т. Шерлок считает, что важнейшим свойством мифологизации исторической памяти является драматургия восприятия исторического процесса. «Будучи формой политизированной истории, миф может содержать элементы истины, но для него характерны драматическая подача и субъективное обращение с фактами. События тщательно отбираются, и те из них, которые могут нарушить целостность мифа, либо опускаются, либо существенным образом искажаются» [Там же, с. 15]. Иначе говоря, в условиях резких социальных потрясений значительно снижается способность критической оценки предлагаемых интерпретаций исторического процесса. На смену когнитивным характеристикам истинности / ложности приходят эмоционально-побудительные критерии веры / неверия и, соответственно, готовности вступать в открытое противостояние ради защиты своих идеалов.

Выборочный и вместе с тем ценностно обусловленный отбор исторических фактов сопровождается созданием так называемых базисных мифов. «Параметры элит и масс в легитимации четко прослеживаются в базисных мифах, воплощающих идеологические доктрины, которые оправдывают захват власти и распределение властных полномочий при новом политическом устройстве. Базисные мифы – это обычно драматические истории, в которых описывается, как и для каких целей идеализированный лидер или лидеры создали существующую политическую систему» [Там же, с. 20-21]. Как правило, базисные мифы создают вокруг себя определенные «защитные пояса», облекаясь в форму литературных, музыкальных и художественных произведений.

Если взять для примера династию Романовых, то базисным мифом ее доступа к власти и успешного политического функционирования становится преодоление Смутного времени. Существовавшая и воспроизводившаяся посредством культурных и образовательных практик конфигурация исторической памяти выстраивала четкую схему объяснения существующего политического порядка.

Смутное время рассматривалось в качестве кризисной точки существования российской государственности, причиной появления которой стал династический кризис. Конец династии Рюриковичей положил начало экономической разрухе и политическому беспределу, поставившему под вопрос сам факт функционирования России как независимого политического и культурного субъекта. При подобной драматургической трактовке династия Романовых в лице Михаила Федоровича выступает на исторической арене в качестве героя-избавителя, восстановителя символического порядка и гаранта его существования в дальнейшем.

Существует множество свидетельств закрепления этого базисного мифа в культурных практиках, например, известная опера М. И. Глинки «Жизнь за царя», памятник И. П. Мартоса Минину и Пожарскому на Красной Площади, один из самых известных русских романов XIX века «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М. Н. Загоскина. Не прерывалась традиция культурной репрезентации данного мифа и непосредственно в предреволюционное время, приобретая постепенно нарочитое обращение ко всей «допетровской

Руси». Достаточно вспомнить знаменитый костюмированный бал 1903 года, на котором императорская фамилия и высшая знать империи предстала в специально изготовленных костюмах эпохи царя Алексея Михайловича, а также целый комплекс торжественных мероприятий, приуроченных к празднованию 300-летия восшествия династии Романовых на престол.

Р. Уортман соотносит возникновение «русского мифа» со временем восшествия на царство Александра III: «Александр мог быть всегда начеку и чувствовать на себе враждебность общества, в котором зрело революционное движение, но он выражал волю к преодолению европеизации общества и веру в то, что Россия может вернуть себе величие Московии» [4, с. 325]. Правильнее было бы сказать, что происходила модернизация базисного мифа с помощью тех символических средств, которые выбранная доктрина исторической памяти позволяла использовать. Как показало дальнейшее развитие событий, набор символических средств оказался крайне ограничен.

Показательно, что именно Смута будет периодически встречаться в качестве понятия, описывающего 1917 год, в воспоминаниях представителей интеллектуальной элиты. В этом можно видеть осознанную или неосознанную попытку применения устоявшейся доктрины исторической памяти к осмыслению актуальной ситуации, подобрать исторический прообраз происходящих событий. Причем сам выбор подобного прообраза автоматически определяет тот ряд символических коннотаций, который будет приписываться новому «Смутному времени» – хаос, беспорядок, беспредел, разруха. Но подобная сосредоточенность исключительно на одной доктрине исторической памяти, отыскивающей легитимность монархического порядка в преодолении разрушительных последствий Смутного времени, имеет и обратную сторону.

Узость спектра символических перспектив и их исторических обоснований играет деструктивную роль, поскольку оказывает обратное влияние на сами властвующие элиты, их оценку актуальной ситуации, что приводит к неспособности адекватно определить степень несоответствия объективных параметров социальной системы символическим установкам базисных мифов. Чем жестче символическая конструкция исторической памяти, тем меньшей становится вариативность выбора других вариантов легитимации существующего порядка.

Поэтому не удивительно, что уже в первые послереволюционные годы представители интеллектуальной элиты (что интересно – как в эмигрантской среде, так и среди оставшихся в России) отмечают принципиальное несовпадение выбранной модели новым социальным и политическим реалиям. С. Б. Веселовский пишет: «Занятие Москвы поляками в 1611 г. вызвало сильное национальное и религиозное движение, которое спасло московское государство. Теперь разгром всего государства и порабощение, весь смысл и значение которого народ скоро поймет, но мог хотя смутно предвидеть сейчас, не вызывают национального чувства» [1, с. 231]. Ему вторит и П. Б. Струве, который в своей статье из сборника «Из глубины» уже вполне уверенно пишет о совершенно других исторических условиях Смутного времени, когда «была уже возвещена стране и народу спасительная сила национальной идеи и духовно-политического объединения во имя ее» [3, с. 383].

Можно констатировать, что в условиях кризиса политической легитимности решающее значение приобретает выбор базисного мифа, позволяющего осмыслить происходящие изменения в соотнесении с определенными историческими прообразами. Вместе с тем выбор той или иной модели интерпретации приводит к запрограмированности восприятия и политической реакции на события, что ограничивает перечень возможных способов поведения. Примером подобного ограничения стали действия политической элиты Российской империи в условиях предреволюционной напряженности.

Список литературы

1. **Веселовский С. Б.** Страницы из дневника. 1917-1923 // Великая русская революция глазами интеллектуалов: хрестоматия. М.: Научный эксперт, 2015. С. 221-255.
2. **Магун А.** Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. 416 с.
3. **Струве П. Б.** Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Великая русская революция глазами интеллектуалов: хрестоматия. М.: Научный эксперт, 2015. С. 369-383.
4. **Уортман Р.** Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2-х т. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. 796 с.
5. **Шерлок Т.** Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: РОССПЭН, 2014. 325 с.

LEGITIMATION OF POLITICAL ORDER IN THE PRE-REVOLUTIONARY SOCIETY AND MECHANISMS OF POLICY OF MEMORY

Anikin Daniil Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saratov State University
dandee@list.ru

This article discusses examples of using historical memory as a means of the revolutionary process legitimation by the example of pre-revolutionary Russia at the beginning of the XX century. The author, basing on literary and memoir materials, conceptualizes strategies of dealing with the past as an important symbolic resource. Special attention is paid to dynamics of historical memory images as a mechanism of symbolic competition of political elites.

Key words and phrases: historical memory; generation; youth; social dynamics; legitimation; oblivion; risks.